

Елена Арсеньева

Забывтый император (Мария-Луиза – Наполеон)

*Часть сборника
Преступления страсти.
Коварство (сборник)*

Преступления страсти. Коварство

Елена Арсеньева

**Забывтый император
(Мария-Луиза – Наполеон)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Забывший император (Мария-Луиза – Наполеон) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Преступления страсти.
Коварство)

ISBN 978-5-699-24596-3

«— Ваше высочество...— Вы забываетесь, мадам Биньоль!— Прошу прощения,
ваше высочество, я должна вас...— Опять?! Я императрица! Вы должны
титловать меня — ваше величество!...»

ISBN 978-5-699-24596-3

© Арсеньева Е. А.
© Автор

Елена Арсеньева

Забытый император (Мария-Луиза – Наполеон)

– Ваше высочество...

– Вы забываетесь, мадам Биньоль!

– Прошу прощения, ваше высочество, я должна вас...

– Опять?! Я императрица! Вы должны титуловать меня – ваше величество!

– Ах, мадам... Прошу извинить меня, извинить великодушно, но по мне, так лучше именоваться высочеством и оставаться дочерью такого человека, как ваш батюшка император Франц, чем носить титул величества – и хранить верность этому ужасному существу, с которым вы имеете несчастье быть обвенчанной.

– Существо? Как вы смеете! Я люблю его. Я давала клятву быть ему верной женой.

– Он тоже давал клятву быть вам верным мужем.

– И что вы этим хотите сказать?!

– Ах, моя бедная девочка... простите, ваше высо... ваше величество. Разве вы не помните, что рассказывали слуги из Фонтенбло, бывшие свидетелями альковных забав вашего супруга? Прикажите, я позову их – и они подтвердят каждое свое слово под присягой. Да он изменил вам столько раз, сколько... сколько... Да бесчисленное число раз!

– Довольно! Мне надоело это слышать! Выйдите отсюда, мадам Биньоль, я больше не хочу вас видеть!

– Я должна вам повиноваться, ваше высочество, но умоляю, прислушайтесь к моим словам, вы напрасно отказываете себе в невинных радостях пло...

– Во-он!!!

Субтильная мадам Биньоль была особой юркой и проворной – только это и спасло ее от подушки, летящей ей прямо в голову. А женщина, с которой она говорила, заперев дверь на задвижку, рухнула на кровать и зарыдала, в ярости ударяя кулаками в перину.

Невинные радости плоти, о которых упоминала коварная мадам Биньоль, были безумно желанны для молодой женщины, которая за четыре года своего супружества привыкла к самой что ни на есть изощренной и интенсивной интимной жизни. Лишенная этих самых радостей, она жестоко страдала, мучилась ночами, злилась днями, но не могла пересилить в себе любви и верности тому, кто приобщил ее к незванным радостям. Она любила своего мужа, хотя из блистательного императора он превратился теперь в опозоренного и всеми проклинаемого изгоя, в пленника тех стран, воевать с которыми отправился с такой помпой и потерпел такое сокрушительное поражение.

Армия бросила его... союзники предали... народ восстал против него... Неужели она, его жена, изменит и предаст лишь потому, что внутри ее слабой женской сути горит неугасимый огонь похоти? А между тем, говорят, он свой огонь готов погасить с первой попавшейся шлюхой... Она зарыдала, уткнувшись в пышную перину, но уличный шум заставил ее приподнять голову и прислушаться.

За окном творилась что-то странное. Звуки, которые доносились с улицы... Что за странные звуки?

Молодая женщина, как замороженная, поднялась с постели и подошла к окну.

Мадам Биньоль, которая подслушивала под дверью, услышала скрип паркета под ее шагами и злорадно усмехнулась. Кажется, дело скоро будет сделано...

Знаменитый историк Фредерик Масон называл мадам Биньоль одной из самых искушенных в политике женщин своего времени и к тому же известной куртизанкой. «Ей были неве-

домы ни угрызения совести, ни сомнения, ни чувство признательности. В юности она вела довольно легкомысленный образ жизни, уподобляясь не отличающимся строгими нравами итальянкам. До сих пор без интриг она не мыслит себе жизни и, когда ей случается стать участницей какой-нибудь дипломатической авантюры, чувствует себя в своей стихии. Все время находясь при дворе, она была не из тех, кто уступает свои позиции и ретируется».

Мадам Биньоль некогда была любовницей знаменитого Шарля-Мориса Талейрана, князя Беневентского, – министра иностранных дел при Наполеоне, ушедшего в отставку еще в 1807 году, но постоянно шпионившего против императора и подготавливавшего его крах. Мадам Биньоль и теперь выполняла задание своего покровителя. Верность Марии-Луизы императору была досадной помехой на пути планов Талейрана – содействовать упрочению на троне Франции Людовика XVIII, бывшего графа Прованского. Наполеон был сослан на остров Эльба. Но все же он представлял собой слишком серьезную угрозу планам победителей: и благодаря своей еще не угасшей популярности, и благодаря своей непредсказуемой натуре. Он был еще способен слишком на многое, и одной из движущих сил, которые могли бы раскрутить эту неистовую пружину, была его любовь к жене. Да, он изменял ей со многими женщинами, повинаясь неумной, поистине петушиной потребности своего организма, но любил ее одну. Ее – и долгожданного сына, ради которого женился на Марии-Луизе, ради которого укреплял и лелеял свою огромную империю. Теперь любовь жены и желание вернуть трон себе, ей и сыну могли подвигнуть его на самые неожиданные поступки.

Со свойственной ему изощренной хитростью Талейран решил склонить Марию-Луизу на измену мужу, а потом вынудить и разлюбить его.

Итак, для начала он распорядился довести до сведения императрицы все случаи супружеской неверности Наполеона, не скупясь на подробности. К тому же он знал чувственную натуру Марии-Луизы и употребил все свое изощренное коварство, чтобы спровоцировать адюльтер.

Пока ехала по Франции, всюду, где бы она ни оказывалась, где бы ни останавливалась на ночь (в Рамбуйе, в Гросбуа, в Труа, в Шатинон-сюр-Сен), ее окружали офицеры-красавцы, как на подбор. А у двери в ее комнату днем и ночью дежурил самый высокий и самый белокурый, поскольку у субтильных француженок-брюнеток, например, у мадам Биньоль, подобные аполлоны были идеалом мужской красоты.

Но Мария-Луиза любила Наполеона и хотела, несмотря на неуголенное желание, остаться верна ему.

И все же в Дижоне агенты Талейрана добились своего...

Сначала мадам Биньоль подзуживала ее, как могла, а вслед за разговорами, призванными снова и снова озлоблять Марию-Луизу против мужа, поблизости от ее дома началась настоящая оргия. И звуки неистового распутства долетали до Марии-Луизы через открытые окна... В Дижоне нашлись три юные красотки, согласные за немалую сумму участвовать в публичном спектакле, который должен был проходить с вызывающим правдоподобием.

В книге «Скандальная хроника Реставрации» говорится: «С этой целью три потаскушки занялись любовью с двумя кучерами и рассыльным из булочной, способными удовлетворить женщину шесть-семь раз кряду без малейших признаков усталости.

Компания расположилась в гостиничном номере и, не щадя сил, приступила к делу. Они не только распутничали, но, согласно инструкции, сопровождали свои откровенные телодвижения громкими непристойностями. Слова, оскорбительные для слуха всякого порядочного человека, нарушая тишину ночи, слышны были на противоположной стороне улицы, в комнате Марии-Луизы.

Вскоре бедняжка, наподобие кошки во время течки, от возбуждения стала царапать ногтями простыни, и тело ее стало судорожно подергиваться, словно она уже принимала участие в сладостной баталии.

К полуночи действия в гостиничном номере стали еще более активными и сопровождались такими изощренными выражениями, что Мария-Луиза, не в силах бороться с собой, выскочила в ночной рубашке из постели и, подбежав к двери, подзвала красавца-часового и быстро впустила его в свою комнату...»

«Талейран сделал все, чтобы погубить эту любовь», – резюмировал Фредерик Массон, однако с выводом он поторопился. До подлинного предательства было еще далеко. Изменив один раз, Мария-Луиза вновь воздвигла вокруг себя стену супружеской верности, черпая силы в воспоминаниях о том, как складывались их отношения с Наполеоном. А складывались они, надо сказать, весьма причудливо!

Дело в том, что Мария-Луиза с самого детства лютой ненавистью ненавидела и Бонапарта, правителя Франции, и французов вообще. Доходило до того, что, когда они с братом, эрцгерцогом Фердинандом, играли в оловянных солдатиков, никто не хотел предводительствовать французской армией. Дети называли французов бандой дикарей и скотами, ведь они казнили любимую тетюшку Фердинанда и Марии-Луизы, королеву Марию-Антуанетту, – это раз, а во-вторых, имели наглость разбить армию их отца, австрийского императора Франца, под Аустерлицем. Из-за него австрийское императорское семейство принуждено было покинуть Вену и перебраться в Будапешт, хотя тамошний дворец был куда менее пышен и комфортабелен.

Разумеется, именно чертов корсиканец, Наполеон Бонапарт, был олицетворением всех пороков и злодейств, он был ответствен за те неприятности, что постигли Габсбургов. Однажды, когда битва на ковре в детской закончилась разгромом французской армии, Мария-Луиза взяла булавки и с яростью принялась вонзать их в глаза, нос, шею и грудь маленького солдатика с треуголкой на голове, изображавшего Наполеона.

– Монстр! Чудовище! Людоед! – кричала она.

Потом девочка с силой швырнула фигурку об стену, и та разлетелась вдребезги, а на отлетевшую голову Мария-Луиза еще и каблуком наступила.

Эх, если бы она знала, что придет день, когда это чудовище станет для нее дороже всех людей на свете...

Участь всех принцесс предрешена от рождения. Рано или поздно они в интересах высокой политики вступают в династический брак. Мария-Луиза прекрасно знала, что настанет день, когда, следуя высоким интересам австрийской политики, ей придется выйти замуж за какого-нибудь принца крови. Поэтому она старательно постигала то, что полагалось уметь каждой принцессе: училась играть на музыкальных инструментах и на бильярде, занималась верховой ездой, осваивала изысканные манеры и иностранные языки. Она выучилась говорить по-немецки, по-турецки, по-английски, по-итальянски, по-испански, по-французски, знала латынь – она готова была общаться на родном языке с принцем из любой страны, будь он даже из Древнего Рима!

Однако в те времена пуще всех этих достоинств ценилась добродетель будущей невесты. Она должна быть девственницей!

Император Франц сам был горячим мужчиной и знал, как горяча кровь его сородичей, а потому требовал особенно тщательно оберегать целомудрие Марии-Луизы. А дабы у нее не возникало нездорового любопытства по отношению к лицам мужского пола, были приложены все усилия, чтобы девочка вообще не знала о существовании таких лиц.

По свидетельству того же Массона, «дабы сберечь невинность Марии-Луизы, ее воспитатели в принимаемых ими мерах предосторожности перешагивали даже казуистов знаменитой испанской школы; их изощренность граничила с дикостью. К примеру, на птичьих дворах разгуливали одни только куры, и никаких петухов; ни одного кенаря в клетках – одни канарейки; в доме держали лишь одних сучек. А книги! На них жалко было смотреть: при помощи ножиц из них вырезали целые страницы, вымарывали строки и даже отдельные слова. И как это

цензорам не приходило в голову, что именно это могло навести их воспитанницу на мысль разгадать тайну зияющих пустот...»

Подобные фокусы привели к тому, что эрцгерцогиня в пятнадцать лет искренне считала своего отца женщиной...

Неведомо, чем бы все кончилось, однако австрийская армия потерпела очередное поражение – под Ваграмом, и император Франц решил: чем безуспешно пытаться справиться с корсиканцем силой, стоит попробовать умиловить его, принеся ему жертву – девственницу-красавицу, как сказочному дракону.

Между прочим, такая мысль приходила не только ему одному.

Между Парижем и Санкт-Петербургом шли тайные переговоры о возможном браке великой русской княжны Анны Павловны и Наполеона. Корсиканец страстно мечтал жениться на настоящей принцессе, принцессе крови, иметь от нее наследника, который состоял бы в родстве со всеми королевскими фамилиями Европы, чтобы упрочить свою династию. Однако вдовствующая императрица Мария Федоровна ненавидела Наполеона и всячески затягивала переговоры, не имея ни малейшего желания отдавать дочь «кровавому чудовищу». Да, это прозвище в Европе было обычным для Наполеона!

Но Наполеон не унимался. Еще в Эрфурте, свидевшись с Александром Павловичем и поразившись его славянской красоте, Наполеон дал понять, что готов развестись с Жозефиной и жениться на сестре русского императора.

Александру идея очень понравилась, и он, недолго думая, написал великой княжне Екатерине Павловне об ожидающем ее счастье. Однако, вернувшись во Францию, Наполеон передумал.

Екатерина Павловна, особа очень тщеславная, страдавшая переизбытком гордыни, уже считавшая себя невестой французского императора, чуть с ума не сошла от ярости. Брат обожал ее, и она заставила Александра поверить, что оскорбление, нанесенное русскому царствующему дому, можно смыть только кровью.

Для начала Александр публично обозвал Наполеона хамом и порядочной свиньей, потом выдал сестру за герцога Ольденбургского.

И тут император Франц решил обойти русских прежде, чем Александр помирится с Наполеоном. Союз России с Францией был его кошмаром. Ведь при таком раскладе сил Австрия будет обречена... Последний шанс спасти державу – выдать за Наполеона свою собственную дочь, австрийскую принцессу.

Одновременно императору Францу пришла в голову еще одна плодотворная идея, которая могла бы осенить только такого... э-э... фривольного мужчину, как он. Наполеону уже исполнилось сорок лет, и его физические силы порядком подорваны. А Марии-Луизе едва минуло восемнадцать, и она была крепкой, здоровой девушкой. Женитьба на молоденькой женщине, наделенной – уж в том-то Франц не сомневался – неумным темпераментом, отличительным свойством представителей австрийской августейшей фамилии, приблизит его кончину. Любовные излишества истощат организм «чудовища» и могут способствовать преждевременному маразму.

Австрийский канцлер Меттерних, посвященный в план императора, пришел в восторг: – Этот брак непременно должен состояться! – воскликнул он.

И вот в один прекрасный день Меттерних явился к принцессе Марии-Луизе и сообщил ей, что официально уполномочен Наполеоном просить ее руки у императора Франца I.

Принцесса едва не рухнула без чувств от ужаса:

– Нежели мой отец согласен на это?!

Меттерних прославился своей иезуитской хитростью. Он ответил:

– Император оставляет вам свободу выбора.

Но тон, каким были сказаны слова, не оставляли зато никаких сомнений... Мария-Луиза мигом вспомнила, что она не просто Мария и не просто Луиза, поняла, что ради государственных интересов ей придется пожертвовать своим счастьем, и прошептала:

– Я поступлю так, как пожелает мой дорогой папа...

Перед тем как отправить дочь во Францию, император Франц с помощью Меттерниха, который привык изъясняться эвфемизмами, провел с ней инструктаж. Так что отправилась юная невеста во Францию с определенной миссией: извести Наполеона, лишив его физических сил и рассудка, и, ускорив его конец, освободить Европу от его тирании.

В течение последующих четырех лет она вела себя в точном соответствии с коварным планом австрийского императора. А Наполеон за эти годы лишился государства, на созидание и упрочение которого затратил пятнадцать лет.

В то время как Мария-Луиза собиралась в путь, Наполеон думал только об одном: понравится ли он пышнотелой красавице, у которой такая неподдельная, самая настоящая оттопыренная нижняя губа – верный признак габсбургского царствующего дома. Этот вопрос так его мучил, что в оставшиеся до встречи недели он делал все, чтобы выглядеть моложе: напяливал корсет, пудрился, обливался душистой водой, заказал себе расшитый узорами костюм и даже выучился вальсировать, поскольку было известно, что Мария-Луиза обожает танцевать именно тот танец, который Наполеон недолюбливал, – вальс.

Забросив государственные дела, Наполеон лично следил за тем, как обставляются апартаменты будущей французской императрицы. Он захотел подарить ей весьма необычный будуар в восточном стиле, целиком обтянутый индийским кашемиром, стоившим более 400 000 франков (120 миллионов старых французских франков).

Время от времени он вынимал из кармана миниатюрный портрет Марии-Луизы и, радуясь, как дитя, рассматривал его.

Герцогиня д'Абрантес по этому поводу заметила: «Наш Соломон в ожидании своей царицы Савской впал в детство...»

И вот Мария-Луиза прошла через обряд венчания по доверенности и отправилась в дорогу, будучи как бы замужем, но еще ничего не зная о супруге. Компаньонкой ей была сестра жениха Каролина Бонапарт, и можно было ожидать, что Мария-Луиза засыплет ее вопросами о Наполеоне. Но она пришибленно молчала всю дорогу и тупо смотрела на его миниатюрный портрет.

За окном кареты непрерывно дождило, и Мария-Луиза не могла отрешиться от банальных размышлений о том, что сама природа льет слезы над ее участью...

При въезде в маленький французский городок Курсель двое мужчин, завернутых в плащи, сбежали с церковной паперти, где они укрывались от надоедливой ливни, и преградили путь карете Марии-Луизы.

Кучер осадил лошадей, карета остановилась. Один из загадочных налетчиков – поменьше ростом – открыл дверцу. Он насквозь промок, и прядь волос прилипла к его бледному лбу.

Мария-Луиза тоже побледнела – от страха.

– Его величество император, – с поклоном пробормотала Каролина за ее спиной.

«Корсиканец! Кровавое чудовище!» – Мария-Луиза перестала дышать.

Это на самом деле был Наполеон. Не в силах ждать дольше, он выехал из Компьена в сопровождении Мюрата навстречу невесте.

– Мадам, я счастлив вас видеть, – проговорил он и, стремительно вскочив в карету, осыпал поцелуями смущенную австрийскую принцессу.

– Трогай! – крикнул он кучеру. – Нет, погоди! – последовал через мгновение новый приказ.

Вся свита могла видеть, что Каролина выбралась из императорской кареты и пересела в другую.

– А теперь – быстрее в Компьень! – крикнул император.

Лошади помчались во весь опор, и карета, как ураган, пронеслась через Суасон и другие разукрашенные, принаряженные городки. Дети растерянно кричали:

– Да здравствует император!

Но кареты не останавливались.

Что же происходило внутри императорского экипажа?

– Как вас напутствовали в Вене? – спросил Наполеон первым делом.

Мария-Луиза покраснела, но все же нашла силы ответить:

– Принадлежать полностью мужу и во всем ему повиноваться.

При этих словах Наполеон потер руки и накиннулся на юную девушку с поцелуями и объятиями, да столь пылкими, что ее декольте мигом стало гораздо глубже.

В Компьене она вышла из кареты с круглыми глазами и изрядно ошеломленная. Придворные с воодушевлением уселись за богато накрытый стол, однако Наполеон взял Марию-Луизу за руку и увел в комнату. Там же находился монсеньор Феш. Император отошел с ним к окну и возбужденно спросил:

– Церковь признает брак по доверенности?

– Да, сир.

– Значит, императрица и я – законные супруги?

– Да, сир!

Наполеон облегченно вздохнул и улыбнулся.

– Благодарю вас! – сказал он и, отослав епископа, Каролину и фрейлин, вернулся к Марии-Луизе:

– В таком случае раздевайтесь и ложитесь, я сейчас вернусь.

Четверть часа спустя, переодевшись, приняв ванну и надувшись, он вновь явился, дрожа от возбуждения, в халате на голое тело.

Так началась супружеская жизнь этих двух людей, столь разных – невероятно разных! – и все же созданных друг для друга, если говорить о радостях альковных.

2 апреля 1810 года, в яркий солнечный день, на площади Согласия, там, где семнадцать лет назад была гильотинирована королева Мария-Антуанетта, французский народ приветствовал новую императрицу и очередную австриячку. Люди отнеслись к ней очень доброжелательно: Наполеона в ту пору просто обожали, а шумевшая история о том, как он штурмовал австрийскую цитадель прямо в карете, лишь прибавила ему популярности. Как ни странно, скандал возник только в недрах императорской семьи. Патриотические чувства внезапно обуяли сестер Наполеона: Каролину, Полину и Элизу. Они сочли, что французкам не к лицу нести шлейф австриячки!

– Королева неаполитанская! Великая герцогиня королевства Тосканского! Принцесса Боргезе! – закричал Наполеон. – Тем, кто ходил с корзинкой на рынок, думаю, будет не зазорно поддержать трен королевы!

Дамы сделали реверанс венценосному брату и смиренно приняли шлейф Марии-Луизы.

Вышеупомянутая супружеская жизнь протекала весьма интенсивно – и потому, что Наполеон не мог удержаться, чтоб не накиннуться на свою молодую жену в любом укромном уголке, и потому, что Марии-Луизе очень понравилось исполнять задание отца... то есть она вкладывала в процесс всю душу и все тело. И если она еще не влюбилась в Наполеона, то была очень близка к тому. Она ласково называла его Нана, Попо или «мой противный кавалер» и говорила дамам из своего окружения:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.